Люди и судьбы

Инна Шепитько

SHOUT
SHARE
IT

- Инна Шепитько

Инна Шепитько
Люди и судьбы

Их везли в товарном вагоне, битком набитом пленными, как скот. Они могли только стоять. Если кто-то падал, то уже не поднимался: пространство над ним смыкалось, и тот, кто еще час назад считался человеком, превращался в подставку. Только через три дня вагон открыли, трупы заставили вынести тем же пленным, и в первый раз за трое суток дали поесть — соленой селедки. Голодные, изможденные люди, не думая о том, что эта еда погубит их всех, накинулись на рыбу. Ивану тоже достался хвост селедки. Голодный желудок свело как судорогой. Единственная мысль: «Только бы не упасть», — сверлила мозг.

Через час начала мучить жажда. Вернее, она мучила все это время, но после селедки рефлекс на выживание атрофировался, нутро горело, язык стал каменным и не ворочался. Тогда кто-то в вагоне предложил помочиться ему прямо в рот. Казалось, что потом и умирать легче будет. В помутненном сознании билась мысль: пить. Иван потерял счет времени.

Сколько их везли — несколько дней или неделю — он не знал. После селедки в вагоне стало посвободнее — на очередной остановке трупы вновь вынесли, и теперь по очереди можно было даже сидеть. Им в вагон подали какие-то помои — отварные картофельные очистки. Они жменями брали их из ведра — кому досталось, и пытались есть. На какой-то по счету день вагон открыли, кто мог передвигаться — вышел сам. Тех, кто не мог, подгоняли прикладами. А тех, кому уже было все безразлично, скинули в кучу и оставили умирать.

Ивану исполнилось только двадцать пять лет, и он, благодаря молодости и крестьянской жизнестойкости, шатаясь, вылез из вагона. Мелькнула даже мысль, что ад закончился: светило солнце, зеленая кровля деревьев переливалась чистотой и свежестью, а на земле блестели лужи воды. Он жадно припал к земле, пытаясь выпить хоть глоточек. Кто способен был стоять на ногах, поступили также, но к ним подбежали немцы, послышалась команда:

— Шнель! Шнель!

Их долго вели, подгоняя прикладами. Когда начало темнеть и проходили какой-то населенный пункт, в толпу иногда летел кусок хлеба или картофелина. Слышалась украинская речь.

— Значит, мы еще у себя дома и сердобольные земляки пытаются помочь, — мелькнула мысль. — Если бы были силы,

можно было бы попробовать бежать. Но сил не было.

Ночью они подошли к лагерю, в несколько рядов обтянутому колючей проволокой. Их загнали, как скот, и железные ворота закрылись. Изможденные люди попадали прямо в пыль, радуясь этой первой возможности лечь.

Короткая летняя ночь промелькнула незаметно. Только успели забыться тяжелым коротким сном, как снова резкая команда:

— Русишь, арбайтен, — дали лопаты, они должны были копать яму для мертвых.

Рядом с Иваном копал мужчина среднего роста. Он тяжело дышал, старался беречь силы — тех, кто не мог работать, добивали прикладами. Мужчина обратил внимание на Ивана, шепотом спросил:

— Откуда будешь? — и тут же добавил: — *Я* - из Киева.

Все столько времени двигались безликой

массой, что соскучились по родной человеческой речи.

— А я с Кубани, — одними губами прошептал Иван.

— Так мы почти земляки.

Собрата по несчастью звали Петром. Оказывается, они вместе, еще под Киевом, попали в окружение.

— Ты держись поближе ко мне, — обратился Петро к Ивану. — Вдвоем легче

выжить.

Он кивнул и продолжал работу. Когда закончили копать, Петро незаметно подошел:

— Як стемние, приходь. Погутарить надо.

Днем им принесли какую-то похлебку. Есть ее было невозможно: вонючая смесь из гнилой картошки и отрубей. Но нужно как-то выживать, и Иван заставил себя проглотить две жмени. Поставили и бочку с водой.

Вечером их опять привели в лагерь. Как и прошлой ночью, попадали на землю, кто где. Иван старался держать Петра в поле зрения, но в такой скученности это удавалось с трудом. Подойти поближе было очень опасно. Если фашисты видели, что кто-то общается, подозревали сговор и расправлялись тут же, на месте. Поэтому глубокой ночью, когда все повально спали, он тихонько подполз к Петру:

— Давай знакомиться с обстановкой. Придывляйся, колы часови сминяются, местность примечай.

Засыпал Иван с маленькой надеждой в сердце: может удастся бежать…

Прошло около месяца. Петро оказался хорошим разведчиком. Они уже знали, как меняются часовые, знали, что лучше

находиться в середине толпы — есть возможность остаться незамеченными. Пленных водили на работу: то расчищать после взрывов завалы, то рыть траншеи. Но чаще всего копали ямы под могилы. Дорога каждый раз была разная, и они присматривались, где лучше можно скрыться. Иногда проходили через украинские села, женщины и дети подавали кусочки хлеба со словами:

— Дядько, нате.

Один раз повезло и Ивану. Женщина, сама худая, изможденная, протянула краюху хлеба и картошку. Он несколько раз замечал ее в толпе. Иван спрятал хлеб за пазуху — на всякий случай, а картошку решил разделить с Петром на ужин. Чтоб поменьше привлекать к себе внимание, они старались днем держаться на расстоянии.

В тот роковой для Петра день с работы они возвращались в сумерках. Вдруг сзади раздался шум, а затем автоматная стрельба. Никто не знал, что случилось, но было ясно: произошло что-то из ряда вон выходящее. По толпе прошел слух:

— Кто-то пытался бежать.

Слышалась резкая немецкая речь. Пленных остановили. Вперед вышел немец с автоматом. На ломаном русском он объяснил:

— Кто делать шаг: пах, пах! — Для убедительности дал очередь по траве.

Все стояли молча. Каждый хотел выжить. Так уж устроен человек: даже в нечеловеческих условиях вынашивает надежду на спасение, надеется на чудо. Вскоре часть охраны вернулась, и их повели в лагерь. Но лечь не дали, не дали и еду. Толкая прикладами, им приказали построиться. Уставшие, голодные, люди подходили и становились в шеренгу. Все чувствовали: сейчас что-то случится.

Подошел немец, и, тыкая пальцем, начал счет:

— Айн, цвай, драй… цен. — Каждый десятый должен был выйти вперед. Кто не понимал, объясняли прикладом. Все стояли молча, с ужасом наблюдая за происходящим. Свет прожектора слабо освещал лица.

Иван оказался третьим по счету. Он еще не успел прийти в себя, и вдруг заметил удаляющуюся широкую спину Петра, которого толкали прикладом. Иван оглянулся по сторонам в надежде увидеть знакомое лицо: может со страху померещилось? Тут заложников развернули, и он явственно увидел Петра. Тот стоял с опустошенным взглядом, понимая, что это конец.

Иван обреченно смотрел на своего товарища, не в силах чем-нибудь ему помочь. Раздалась короткая команда, очередь из автомата, и вот уже десятки обреченных людей лежат на земле.

Ужас парализовал толпу.

Ночью Иван лежал с закрытыми глазами, не в состоянии уснуть. Перед глазами стояло лицо Петра. Одна мысль не давала покоя — зачем пытаться выжить? Только лишние мучения, уж лучше сразу умереть. О побеге даже думать нельзя — за одну его жизнь поплатятся десятки людей.

Ивана охватило полное безразличие ко всему. Он перестал есть: если уж умирать, то побыстрее. Ночами подолгу лежал без сна, вспоминая дом, мать, детство.

А детство выдалось тяжелым. После смерти отца дедушка переселил их с матерью в какой-то пустующий дом. Он был еще маленьким, но отчетливо помнил, как умерли его брат и сестра. У них не было своего хозяйства, только маленький огородик. Картошки на посадку тоже не было, а ту, что им дал дядька Захар, съели, а кожуру с малюсенькими отростками посадили. А когда эта чахлая картошка завязалась, он иногда, тайком от матери, вырывал ее, бросал в костер и съедал полусырую. Сколько он себя помнил, всегда страшно хотелось есть. Мать ходила по людям: где-то стирала, где-то мазала. Платили ей продуктами, но они были рады и этому. А когда дядьку Захара увезли, стало еще хуже. Надеяться стало не на кого: тот хоть изредка давал узел картошки да муки. И на Пасху — кусок сала.

Крестьянские дети рано взрослеют: лет с восьми он уже пас чью-то худобу, зарабатывая себе кусок хлеба или кружку молока. Летом вообще легче выжить: на чужих огородах, баштанах всегда можно нарвать кабаков или огурцов, а где-то в саду — яблок и слив. В школу он ходил в холщовых штанах, покрашенных бузиной, но зато всегда в чистом: мать у него была чистюля.

Самое счастливое время для Ивана наступило, когда его призвали в армию. Он попал в кавалерию- это была его стихия. Потомственный казак, он любил лошадей, был прекрасным наездником. Своего коня холил и лелеял. Иван помнил рассказы матери о том, какие акробатические номера показывали его дядьки на станичном празднике джигитовки, и, если было время, проделывал все сам. Солдаты ему завидовали, просили научить таким кренделям, но не каждому это дано.

Воспоминания утомили, он уснул тяжелым тревожным сном. Ему приснилась мать: она стояла на развилке дороги и звала:

— Ванюша, где же ты? Ты у меня один остался. Отзовись! — Проснулся в хо-

лодном поту: мать ждет его. Раз не умер в первое время, значит, суждено жить. А вдруг случится чудо, и эти мучения закончатся?

Мысль о побеге засела где-то далеко в мозгу, а по жизни,

если это скотское существование можно назвать жизнью, его вел инстинкт самосохранения. Он уже привык к вонючей похлебке и прелой, застоявшейся воде. Летом люди умирали от жажды и жары, а уже осенью — от холода. К зиме они сами построили продуваемые ветром деревянные бараки, но это было лучше, чем зимовать под открытым небом.

Потом их перевезли в другой лагерь, в Германию. Условия здесь были еще хуже, над ними издевались сознательно, чтобы пленные быстрей умерли, чтобы не тратить на них даже пули. Зимой их отправляли на работу, иногда загоняли в ледяную воду и держали там по нескольку часов. После этого Иван почти не чувствовал ног, они были как неживые. А однажды, когда он, опустив голову, копал, не обращая ни на что внимания, вдруг услышал родную кубанскую речь и до боли знакомый голос. Еще не веря своим ушам, начал всматриваться в говорившего: изможденный, заросший щетиной худой человек, в котором невозможно было узнать друга детства. С трудом ворочая языком, пересохшим от жажды, еле выговорил:

— Федя, це ты?

Тот поднял голову, посмотрел вокруг и тут вдруг узнал глаза — Ванины глаза.

— Ваня, ты?

Они побоялись обняться, стояли рядом, не веря в чудо — Федя Филько, лучший друг детства. Перед армией расстались и потеряли друг друга из виду. И надо же случиться такому: встретиться в лагере для военнопленных, в такой дали от родной Кубани. Это событие стало для них знамением: им необходимо выжить.

Вдвоем все невзгоды переносились легче. Они поддерживали друг друга, как могли, делились последней крошкой хлеба. Если один не в состоянии был подняться, другой подставлял свое плечо. А чувствовать плечо друга — это многого стоит. Только глубокой ночью, урвав часок у сна, они могли немножко поговорить по душам, поделиться горькими воспоминаниями:

— Ты знаешь, Федя, — рассказывал Иван, — я служил под Киевом, и меня за хорошую службу направили в Киевское артиллерийское училище. В конце июня мы должны были выпускаться, а тут война, Киев бомбят. Нам вручили документы и — на фронт. В вагоне едем, а куда — никто ничего не знает. Наши войска отступают, кругом паника. Вдруг налетели немецкие самолеты, взрывы, свист, падают бомбы. Выскочили мы, кто в чем, без вещей, без оружия. Где наша часть? Куда идти? Группами собрались в лесу. Один капитан взял на себя командование. Получили приказ: как стемнеет, будем прорываться к своим. Но

ночи не дождались. Прямо на нас поперли немецкие танки. В панике все рванули назад, а нас расстреливали прямо в упор. Много народу полегло там. Но мне тогда повезло. Я остался в живых. А когда из леса выбрались, поняли, что окружены. Ну что мы могли с голыми руками против танков?

Федору тоже хотелось облегчить душу, поделиться нерадостными воспоминаниями:

— А я, Ваня, после срочной службы остался в армии. Хотел учиться, но дома

жена с сыном, да и родители уже пожилые, надо всем помогать. Наш полк стоял в Белоруссии. Мы видели, что война неизбежна, и разведка сообщала, что немцы мобилизуются, вооружаются. Но почему-то наше командование верило в пакт о ненападении, боялось провокаций. 22 июня нас перебросили на границу, но немец пер такой страшной силой. А у нас снаряды закончились через три дня, осталась одна винтовка на двоих. Наши почти все полегли. Меня ранило в ногу, потерял много крови. Санитары вынесли — помню, что уже лежал в поезде, даже перевязку сделали. А потом, когда немцы прорвали оборону, раненых так и не успели вывезти. Когда немцы зашли в поезд, всех, кто не мог ходить, застрелили сразу. А меня товарищ спас, так мы вдвоем и ковыляли. Если бы не он, меня бы уже не было в живых.

— Сначала нас держали в каком-то селе в Белоруссии, — продолжал Федор свой

горький рассказ. — В конце лета в вагонах перевезли на Украину, а зимой оказался в Германии, в этом лагере. С товарищем мы потерялись — нас среди ночи подняли, погрузили в вагоны. *Я* все оглядывался, искал его, спрашивал, но так ничего и не узнал. Мы с ним еще до войны служили вместе, Шурой его звали. Может, когда свидимся…

Уже почти светало, когда они уснули, растревоженные тяжелыми воспоминаниями.

Весной, когда их гнали на работу, Иван узнал еще одного земляка по фамилии Кущ — они когда-то вместе парубковали, а теперь дороги пересеклись здесь. Он разговаривал с немцами на равных, у него было оружие. Они встретились глазами. Лицо у того было холеное. Иван, улучшив минутку, подошел:

— Мы ж земляки, дай мне хоть какой-то еды. Я умираю с голода… — но тот так

и не захотел помочь своему станичнику. Видать, очень боялся за свою жизнь.

По ту сторону колючей проволоки Иван несколько раз замечал молодую женщину, а один раз она окликнула его на

украинском языке. Звали ее Мария. Она иногда приносила еду, которой он делился с Федором.

— Меня с сестрой угнали в Германию, — рассказывала она. — Здесь я попала к

бауэру, работаю на кухне, иногда в поле. А сейчас ему разрешили взять пленных на сезон, на работу.

— А ты скажи, — попросил Иван, — что я твой муж или брат, может, он возьмет

нас с товарищем.

Мария попросила хозяина за Ивана и Федора. Бауэр приехал на телеге и взял нескольких пленных, в том числе и двух друзей. Для них это был шанс выжить. Хозяин нес за них ответственность, бежать они не могли — пострадала бы Мария, но за работу он их кормил нормальной пищей. Мария варила украинский борщ с галушками, картошку — очищенную, заправленную шкварками. Впервые за много времени они ели настоящую человеческую еду.

До поздней осени они работали на хозяина, но сезон закончился, и они опять оказались в лагере, опять окунулись в этот ад. Они были благодарны Марии, с ее помощью они немножко окрепли, отдохнули. Мария полюбила Ивана, и ему она стала близким, родным человеком. Она еще несколько раз приходила к лагерю, издали виделась с Иваном и успела сообщить ему, что у нее будет ребенок.

Дальнейшие события развивались очень бурно. Над лагерем часто стали кружить американские самолеты. Каждый раз они сбрасывали листовки. Некоторые пленные знали английский язык. Они прочли эти обращения к пленным, где говорилось о том, что американские войска со дня на деньразобьют остатки фашистской армии и освободят Германию от страшной чумы.

С приходом американцев вблизи лагеря слышна была канонада. Фашисты пытались замести следы преступлений, уничтожить большую часть пленных. Обреченные, изможденные люди, понимая, что дальнейшее пребывание за колючей проволокой — это верная гибель, ночью перерезали проволоку и бежали из лагеря. Иван с Федором были в числе беглецов.

Далеко убежать в чужой стране они не могли, спустились в какой-то люк с водосточной трубой. Несколько дней просидели там, а потом вылезли. От голода и холода мутился рассудок, им уже было все равно, что их ждет. Наверху их встретили американцы. Их допросили с переводчиком: кто, откуда, предложили поехать в Америку на жительство. Иван с Федором отказались от этой заманчивой перспективы, почти как в песне: «Не нужно мне солнце чужое, чужая страна не нужна!» Война еще не закончилась, и они жаждали мести за все мучения, которые

выпали на их долю. Но воевать им почти не пришлось.

Мать уже и не чаяла увидеть сына живым, столько лет от него не было ни одной весточки Но он вернулся в родную станицу живым и невредимым. Видно, мать своими молитвами заговорила его от смерти А некоторое время спустя пришло письмо на адрес матери из далекой Украины. Писала Мария. Ее тоже освободили американцы, она вернулась в родное село, родила сына и назвала его Виктором.

Но судьба Марии больше не пересеклась с судьбой Ивана. Он женился в станице, у него родились три дочери. А своего сына Виктора в первый раз увидел в 1965 году, когда тот, будучи курсантом Харьковского авиационного училища, приехал к отцу на Кубань. Здесь же он встретился со своими сводными сестрами. А сейчас Виктор и старшая из сестер, Лида, живут в Подмосковье. Их дачи рядом. Так что летом они постоянно вместе, и очень рады этому.

Когда я видела Виктора на похоронах отца, бросилось в глаза, как они похожи: манеры, походка, внешние данные. Даже взгляды на жизнь. Виктору передалась хозяйственная хватка отца, его бережливость, аккуратность. Тогда я впервые подумала: то, что заложено в генах, нельзя изменить никаким воспитанием.